

Монолог Алеко

1

«Цыганы» принадлежат к числу тех, сравнительно немногих, произведений Пушкина, творческая история которых может быть восстановлена по сохранившимся рукописям полностью, с самого начала до конца. Но рукописи «Цыганов»¹ ни разу еще не были подвергнуты исчерпывающему изучению. Анализ этих рукописей приводит, прежде всего, к интересным выводам относительно хронологии написания «Цыганов».

Пушкин начал писать «Цыганов» в перерыве между окончанием второй и началом третьей главы «Евгения Онегина». Окончание второй главы «Евгения Онегина» самим Пушкиным датировано 8 декабря 1823 г. (рукопись Ленинской библиотеки № 2369, л. 41 об.). Ровно через два месяца, 8 февраля 1823 г., Пушкин приступил к третьей главе «Евгения Онегина» (там же, л. 48 об.). В конце этого двухмесячного периода, повидимому во второй половине января 1824 г., было начерно набросано начало «Цыганов» (лл. 45 об., 46, 47, об., 48 той же рукописи). В один или два присеста Пушкин написал приблизительно шестьдесят стихов, кончая обращением старого цыгана к Алеко, которое в черновике читалось сначала так:

По городам ходи с медведем
Иль подаяния проси.

Снова Пушкин принялся за свою поэму не сразу. Не ранее мая 1824 г. была обработана и заново переписана сцена появления Алеко в таборе (рукопись № 2370, л. 3). Вероятно уже к концу пребывания Пушкина

¹ Пишу «Цыганов» (а не «Цыган»), потому что такова правильная форма род. мн. от «Цыганы». В беловом автографе поэма была сначала озаглавлена «Цыгане», но затем конечное «е» было заменено на «ы», что же касается родительного падежа, то здесь Пушкин постоянно и без колебаний писал «цыганов», а не «цыган». Напомню одну из грамматических замечаний Пушкина, в которой он специально оговаривает употребляемые им формы «цыганы», «цыганов», как более правильные (Полн. собр. соч. в шести томах. Гослитиздат, М. 1934 г. т. VI, стр. 310—311). Разумеется, правильное склонение названия пушкинской поэмы не имеет отношения к употреблению слова «цыган» как нарицательного в современном русском языке, знающем множественное число этого слова исключительно в форме «цыгане» — «цыган».

в Одессе, в июне или июле 1824 г., появился черновик второго эпизода поэмы — описание самого табора (там же, л. 9) и набросок, соответствующий в окончательном тексте стихам:

Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда

Этот набросок заканчивался стихами, которые не вошли в окончательный текст «Цыганов», но известны также из текста пропущенных строк второй главы «Евгения Онегина»:

И вырывались иногда
Из уст его такие звуки —
Что...

Вот и все из «Цыганов», написанное до отъезда из Одессы в Михайловское. В Михайловском Пушкин сначала принялся за третью главу «Евгения Онегина» и только после окончания ее обратился к «Цыганам». Последняя строфа второй главы «Евгения Онегина» снабжена в рукописи (№ 2370, л. 20) датой: 2 октября 1824 г. Начиная с л. 24, в рукописи подряд следуют восемь страниц, сплошь занятых большей частью черновой редакцией «Цыганов». Доведя свою работу до эпилога, Пушкин поставил дату: 8 октября 1824 г. Спустя два дня был написан эпилог, и цифра «8» в дате переделана на «10». За эти два дня Пушкин успел также переписать всю поэму набело, потому что в беловике (№ 2369, л. 12 об.) дата также поставлена до эпилога и в ней также сначала была написана цифра «8», затем поправленная на «10».

Самый важный итог этих наблюдений заключается в том несомненном факте, что вся центральная часть поэмы «Цыганы» от стиха «Прошло два лета. Также бродят» и до эпилога (но без эпизода: «Скажи мой друг: ты не жалеешь») была написана в промежуток времени не свыше шести дней, от 2 до 8 октября. В этой изумительной быстроте работы сказалась поздняя осень — любимая рабочая пора Пушкина. Но к тем своим произведениям, которые быстро писались, Пушкин быстро остывал. Охлаждение иногда наступало еще раньше, чем бывало доведено до конца самое произведение. Переписав набело свою поэму и добавив к ней эпилог, Пушкин писал 10 октября Вяземскому: «Сегодня кончил я поэму Цыгане. Не знаю, что о ней сказать — она покамест мне опротивела, только что кончил», и т. д. С этим просится в сравнение заметка Пушкина 1830 г. о «Полтаве»: «Полтаву написал я в несколько дней, далее не мог ею заниматься и бросил бы все». Вряд ли правильно поступают те исследователи, которые из этой заметки Пушкина пытаются извлечь материал для доказательства положения, согласно которому Пушкин вообще писал «Полтаву» с отвращением, как вещь, подсказанную «социальным заказом» царского империализма.

Временно «Цыгане» Пушкину «опротивели», но очень скоро он возвращается к ним. В ближайшие дни после переделки поэмы были написаны начерно и тут же внесены в беловую рукопись два добавления

[Faint, mostly illegible handwritten text in Cyrillic script, likely a draft of a monologue. The text is heavily crossed out with a large 'X' and contains many scribbles and corrections.]

Черновик рукописи Пушкина. «Монолог Алеко.» Тетрадь 2368, оборот 15-го листа

к тексту законченной поэмы. Одно небольшое, соответствующее в окончательном тексте стихам:

Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подымется с полей
Станица поздних журавлей

и т. п. Другое добавление — обширное, именно эпизод, содержащий рассказ Алеко о жизни в «душных городах» и рассказ Старого цыгана об Овидии. Все это место, которому принадлежит такое важное значение в идейной концепции и поэтической композиции «Цыганов», в первоначальной редакции поэмы отсутствовало. Стоит отметить кроме того, что сначала в тексте этого эпизода не было заключительной пирады Алеко «Так вот судьба твоих сынов» и т. п. Эти стихи появились только при переделке эпизода, который также был вписан в беловую рукопись поэмы уже после переделки эпилога.

Однако и после этого Пушкин еще не расстался окончательно с «Цыганами». Уже в самом конце 1824 года, когда у Пушкина в «пяльцах», как он выражался, находился «Борис Годунов», он временно оставил все свои текущие работы, в том числе и свою трагедию, задумав дополнить поэму «Цыганы» еще одним эпизодом. По теме это должен был быть монолог Алеко над колыбелью его сына. В окончательном тексте поэмы монолог этот должен был предшествовать эпизоду, начинающемуся стихом: «Старик на вешнем солнце греет».

Пушкин не мало поработал над текстом этого монолога, но так и не отделал его до конца. История текста этого монолога представляет собой один из очень поучительных примеров того, как Пушкин работал над своими произведениями. Нижеследующее имеет целью показать ход этой работы по возможности полнее, во всех ее стадиях¹.

2

Сначала текст монолога был записан в рукописи № 2370, л. 50 об. Отвлекаясь от черновых чтений, зачеркивавшихся Пушкиным тут же,

¹ Текст монолога печатался неоднократно, но большей частью неисправно, притом только в том окончательном чтении, которое может быть извлечено из рукописного материала. Первоначально монолог напечатан в очень неполном виде Анненков в т. VII изданного им Собрания сочинений Пушкина (1857). Существенно дополнил анненковскую публикацию Морозов в т. III старого академического издания соч. Пушкина (1912), но здесь имеются и существенные погрешности в самом тексте монолога. Полный текст окончательной редакции монолога был напечатан мною в шеститомнике Гослитиздата, М.-Л. 1935, т. II, стр. 666, а также Б. В. Томашевским в новом одномтомном издании соч. Пушкина, 1936 г. Черновые редакции монолога печатаются здесь впервые, а в исчерпывающем виде, со всеми мельчайшими разночтениями отдельных стихов и слов, будут напечатаны в т. IV юбилейного академического издания соч. Пушкина, скоро выходящем из печати.

по ходу письма, извлекаем из этого первоначального наброска монолога следующее, окончательное связанное чтение (А)¹:

- Прими привет сердечный мой,
 Дитя любви, дитя природы,
 И с даром жизни дорогой
 Неоцененный дар свободы.
- Б. Твое рожденье средь степей
 Не встретил крик предрассужденья
 И не страшусь его презренья
 Над вольной люлькою твоей.
 Пускай в забвенья.
10. Лишен цагана бедный внук
 И нег роскошных просвещенья
 И сладострастия наук —
 Пускай возвращенный без уроков
 Вдали блистательных палат
15. Он грубых и порожков
 На общежительный разврат
 Не променяет по неволе,
 Зато в цыганском шалаше
 Не изменит неблагодарный
20. Свободы алчушей душе.

Отметим некоторые первоначальные чтения этого отрывка.

- Стих 4: Великолепный дар свободы.
 Стих 8: Над колыбелию твоей
 Стих 9: Пускай во мраке униженья
 Стих 15: Он наследственных порожков
 Стих 16: На робкий, вежливый разврат

Следуя своей обычной манере, Пушкин вслед за тем перебелил набросок, дополняя и исправляя отдельные чтения при перебелке. Перебеленный текст записан в рукописи № 2368, л. 15 об. и первоначально читался так (Б):

- Бледна, слаба Земфира дремлет —
 Алеко с радостью в очах
 Младенца держит на руках
 И крику жизни жадно внемлет,
- Б. «Прими привет сердечный мой
 Дитя любви, дитя природы,
 И с даром жизни дорогой
 Неоцененный дар свободы!..
 Твоей улыбки средь степей
10. Не встретит смех предрассужденья
 И нет безумного презренья
 Пред дикой люлькою твоей.
 Пускай возвращенный без уроков
 Лишен цыгана бедный внук
15. И нег роскошных просвещенья
 И сладострастия наук;
 Пускай возвращенный без уроков
 Вдали блистающих палат
 Суровых и простых пороков

¹ Ввожу в текст некоторые зачеркнутые, но ничем не замененные Пушкиным слова. Недописанные стихи показаны пробелами в их тексте.

20. На общежительный разврат
 Не променяет он коварно —
 Зато в цыганском шалаше
 Не изменит неблагодарно
 Свободы жаждущей душе —
25. Он будет здрав, силен и волен —
 Чего же больше для него
 доволен

По сравнению с первоначальным черновым наброском, при переделке к монологу прибавилось вступительное четверостишие, а кроме того начато и осталось недоконченным еще одно четверостишие, представляющее собой продолжение первоначального текста. На третьем стихе, от которого в рукописи записано только одно рифмующее слово, Пушкин остановился и стал вносить новые поправки в перебеленный текст монолога. В результате этих новых поправок беловик превратился в новый черновик, а текст монолога, начиная со стиха 9, приобрел следующий вид (В) ¹

- Не стерегут среди степей
10. Уже тебя предрассужденья,
 И нет безумного гоненья
 Над дикой люлькой твоей.
 На лоне вечного забвенья
 Лишен цыгана бедный внук ²
15. И нет роскошных просвещенья
 И сладострастия наук;
 Пусть он не знает их уроков
 Не променяет средь палат
 Пусть грубых и простых пороков
20. На общежительный разврат
 безусловно
 Зато в цыганском шалаше
 Не изменит он хладнокровно
 Природе и своей душе.

Последнего четверостишия поправки не коснулись, но оно так и осталось недоработанным: не удовлетворившись и третьей редакцией монолога, Пушкин перечеркнул весь написанный текст крест-накрест и стал писать монолог заново (опять с 9 строки), уже на следующей странице рукописи (л. 16). Здесь сначала было написано (Г):

- Останься посреди степей,
 10. Безмолвны здесь предрассужденья ³,

¹ Первые восемь стихов остались без изменения.

² Первоначально стихи 13—14 читались:

Пушкой лишен в тиши забвенья
 Мой сын, цыгана бедный внук.

³ В этой редакции сначала было:

- I. Тебя в раздолии степей
 Не стерегут предрассужденья
 И нет безумного гонения
 Над дикой люлькой твоей.
- II. Останься посреди степей,
 И не страшись предрассужденья

И нет их раннего гоненья.
Над дикой люлькою твоей.
Расти

Четверостишие 9—12 дальнейшей переработке не подвергалось. Первые двенадцать стихов монолога стабилизировались. Дальнейший текст монолога является результатом очень сложной работы.

Начав 13 стих словом «расти», Пушкин тут же изменил намерение и стал писать так (Д):

Пускай возвращенный без уроков
Лишен цыгана бедный внук,

но и эти две строки были откинута, а продолжение монолога¹ получило вслед за тем такой вид (Е):

Пускай возвращенный без уроков
Не променяешь средь палат
15. Ты грубых и простых пороков
На образованный разврат.

Затем это четверостишие было переработано так (Ж):

Пускай возвращенный без уроков
Не променяет средь палат
15. Он грубых и простых пороков
На образованный разврат.

Но еще до того, как появилась эта редакция четверостишия 13—16, между ним и стихами 9—12 было вставлено (З):

Под сенью мирного забвенья
Пускай цыгана бедный внук
Лишен и неги просвещенья
И пышной суеты наук¹.

В дальнейшем, однако, это четверостишие было переставлено на четыре стиха вниз и составило стихи 17—20 последнего чтения монолога. Что же касается стихов 13—16, то они были еще раз переработаны, прежде чем их текст стабилизировался. Последняя редакция этого четверостишия записана на полях сбоку и читается так (И):

Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат
15. И не меняй простых пороков
На образованный разврат.

На этом кончается история текста первых двадцати строк монолога. Эти двадцать строк соответствуют только шестнадцати строкам первоначального черногового наброска (А), потому что начинаются четверостишием, отсутствовавшим в черновике. Вместо последних четырех строк черновика А, в редакции Б, как мы видели, было начато:

Он будет здрав, силен и волен.

Здесь нет безумного гоненья.
Над дикой люлькою твоей.

¹ Предшествовало: И гордой суеты наук.

и т. д. После того, как были обработаны первые двадцать строк, эта тема получает новое развитие. Именно в нижней части л. 16 было сначала записано (К):

- Зато беспечен, здрав и волен,
 Напрасных угрызений чужд,
 Он будет жизнью доволен,
 Не зная вечно-новых нужд.
25. Нет, не преклонит он колен
 Пред идолом безумной чести,
 Не будет жертвой злых измен,
 Не будет ведать жажды мести
 Не испытает он порой
30. Как тяжко медленной ногой
 Вскочить на чуждые ступени —
 Сколь горек суд толпы слепой¹
 И света ветреные пени².

Тема последних стихов много лет спустя разработана Пушкиным в «Пиковой даме» (глава II): «Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому, и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?»

Стихи 21—24 перечеркнуты, а сбоку, на правом поле нижней части л. 16, они даны в несколько иной и притом недоработанной редакции, в которой эти четыре стиха повидимому, должны были быть заменены пятью (Л):

- Зато беспечен, здрав и волен,
 Не зная ложных наших нужд,
 И бедным жребием доволен,
 Он не признает
 Напрасных (?) угрызений чужд³.

Стихи 25—33 также перечеркнуты, но еще до того они подвергались правке, главное содержание которой сводилось к замене третьего лица вторым. Эта замена создала следующую редакцию стихов 25—33 (М):

25. Нет, не преклонишь ты колен
 Пред идолом безумной чести,
 Не будешь жертвой злых измен,
 Не утомишься жаждой мести.
 Ты не поймешь, младенец мой,
33. Как тяжко медленной ногой

и т. д. см. (К).

Но все же, как видим, и эта переделка не удовлетворила Пушкина. Зачеркнув крест-накрест стихи 25—33, Пушкин продолжает их перерабатывать на левом поле л. 15 об., уже заполненного ранее зачеркнутым

¹ Предшествовало: «Сколь горек света шумный суд». Еще раньше читалось: «Сколь горек хлеб чужой».

² Предшествовало: И легкомысленные пени.

³ Концы строк здесь не дописаны и восстанавливаются на основании иных вариантов.

текстом (Б, В). Здесь сначала была записана новая редакция стихов 21—24 (Н):

Зато беспечен, здоров и волен
Тщеславных угрызений чужд,
Он будет жизнью доволен,
Не зная вечно-новых нужд.

Тут же следовало продолжение:

Нет, не поникнет он главой,—

сразу откинутое и замененное другим (Н):

25. Нет, не преклонит он колен¹
Пред идолом какой-то чести,
Не будет вымышлять измен,
Трепеща тайно жаждой мести.
Не испытает мальчик мой
30. Сколь жестоки пени,
Сколь чорств и горек хлеб чужой,
Сколь тяжко медленной ногой
Всходить на чуждые ступени.

В нижнем левом углу той же страницы записано еще несколько неотделанных стихов, относящихся по теме к стихам 30—33, но не имеющих прямой синтаксической связи с ними. Это место читается так (П):

Коварный шопот клеветы,
Любви тщеславные мечты
И дружества пени.

Отдельно записано еще (Р):

Ни покровительством...
Ни клеветой...

Эти последние наброски не укладываются в тот связный текст, который в виде окончательного чтения можно извлечь из описываемой рукописи монолога. Но монолог имеет еще продолжение. Оставив первые 33 стиха в том виде, в каком они отразились в результате описанной до сих пор работы, Пушкин продолжал на л. 16 об. той же рукописи (С):

- От общества быть может я.
35. Отъемлю ныне гражданина —
Что нужды — я спасаю сына
О лучше б мать моя
Меня родила [б] в юрте дымной,
Или в кавказском табуне
40. И без преграды весь бы мне
Открылся мир гостеприимный.

Стихи 37—41 вслед за тем откинуты и заменены новыми, которые приводим вместе с их продолжением (Т):

¹ Предшествовало: Нет, не преклонит он главы.

- И я б желал, чтоб мать моя
 Меня родила в чаще леса
 Или под юртой остяка
- 40. Или в расселине утеса
 О сколько б едких угрызений,
 Тревог разuverений
 Тогда б я в жизни не узнал —
 О сколько..

На этом рукопись монолога обрывается. Отмечу несколько первоначальных вариантов в отдельных стихах заключительной части монолога. Стих 38 редакции С сначала читался:

Меня б родила в юрте бедной

Стих 39 той же редакции в своих первоначальных чтениях дает следующие интересные варианты:

1. Или в кибитке кочевой
2. Среди степей над глубиной
3. Среди степей Сибири..

Стих 40 редакции Т дает такие первоначальные варианты:

1. Иль в сакле вольного черкеса
2. Иль в сакле дикого черкеса
3. В приюте грозного черкеса
4. Или в расселинах утеса
5. В глухой расселине утеса

Впрочем, я не ставлю здесь своей задачей подробное исчисление всех частных разночтений рукописи монолога. Несколько приведенных вариантов должны служить лишь небольшим образцом работы над отдельными стихами монолога, почти каждая строчка которого, во всех стадиях работы над ним и во всех редакциях его различных частей, могла бы представить сходную картину.

Монолог Алеко обрывается на начале 44 стиха. Полезно теперь, сведя вместе все описанные куски монолога, повторить в связанном виде окончательное чтение, извлекаемое из проанализированного материала. Вот это окончательное чтение:

- Бледна, слаба Земфира дремлет —
 Алеко с радостью в очах
 Младенца держит на руках
 И крику жизни жадно внемлет.
- 5. «Прими привет сердечный мой,
 Дитя любви, дитя природы,
 И с даром жизни дорогой
 Неоцененный дар свободы!..
 Останься посреди степей,
- 10. Безмолвны здесь предрассужденья,
 И нет их раннего гоненья
 Над дикой люлькою твоей.
 Расти на воле без уроков,
 Не знай стеснительных палат
- 15. И не меняй простых пороков
 На образованный разврат.
 Под сенью мирного забвенья

- Пускай цыгана бедный внук
Лишен и неги просвещения
20. И пышный суеты наук.
Зато беспечен, здрав и волен,
Тщеславных угрызений чужд,
Он будет жизнью доволен,
Не зная вечно-новых нужд.
25. Нет, не преклонит он колен¹
Пред идолом какой-то чести,
Не будет вымышлять измен,
Трепеща тайно жаждой мести.
Не испытает мальчик мой,
30. Сколь жестоки пени,
Сколь чорств и горек хлеб чужой,
Сколь тяжко медленной ногой
Всходить на чуждые ступени.
От общества быть может я
35. Отъемлю ныне гражданина —
Что нужды — я спасаю сына —
И я желать, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса
Или под юртой остяка.
40. Или в расщелине утеса
О сколько бедких угрызений,
Тревог, разуверений,
Тогда б я в жизни не узнал —
О сколько....

3

Я не хочу внушать читателю какое-нибудь определенное представление о том, какую конкретную цель ставил себе Пушкин при каждой поправке, которую он вносил в текст монолога Алекса в процессе его писания. Комментарий, который мог бы быть предложен в этом отношении, способен подменить собой самостоятельное сличение всех текстов монолога на разных стадиях его обработки Пушкиным, — а это было бы нежелательно. Подобное сличение и сопоставление разных стадий возникновения одного текста гораздо существеннее, чем подведение этого материала под какие-либо схематические рубрики, вроде обычно в таких случаях фигурирующих: «стремление к точности выражения», «поиски более выразительных средств», «постепенное раскрытие идеи» и т. п. Подобный материал должен говорить сам за себя, потому что весь его смысл в конкретности, в том, какое именно конкретное слово или выражение устранено и каким другим конкретным заменено. Поэтому в дальнейшем ограничусь только некоторыми замечаниями относительно дальнейшей литературной «биографии» монолога.

«Цыганы» появились в печати только через два с половиной года после их окончания. Никаких внешних затруднений для своевременного опубликования «Цыганов» не существовало. Литературные друзья и советники Пушкина настойчиво требовали опубликования поэмы, с которой

¹ В этой сводке стихи 24—25 представляют собой обычно недопускаемое сочетание яерифмующих стихов с одинаковой каталектикой. Вероятно, при дальнейшей обработке монолога Пушкин исправил бы эту погрешность метрики, хотя подобные случаи иногда встречаются даже во вполне законченных произведениях Пушкина и отмечались исследователями.

познакомились благодаря Льву Сергеевичу Пушкину, знавшему поэму наизусть и часто декламировавшему ее в петербургских кружках и салонах. «Цыганы» имели громадный успех в аудитории Л. С. Пушкина. Отрывки «Цыганов» были напечатаны в «Полярной звезде» и в «Северных цветах» и возбуждали всеобщее любопытство. Тем не менее Пушкин упорно уклонялся в течение долгого времени от всех предложений относительно опубликования поэмы. В январе 1825 г. Пушкин писал Бестужеву: «Рылеев доставит тебе моих Цыганов¹. Пожури брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать — принужден ее напечатать, пока не растаскают ее по клочкам». Пушкин недоволен тем, что по вине брата «Цыганы» стали известны широкому кругу. Он видит себя вынужденным напечатать поэму, но все же печатает только два небольшие отрывка (не считая «цыганской песни», появившейся в «Московском телеграфе») на протяжении почти двухлетнего срока. Постоянным мотивом переписки Пушкина за эти годы является вынужденность решения напечатать «Цыганов». В марте 1826 г., отвечая на различные издательские планы Плетнева, Пушкин писал ему: «Знаешь ли, уж если печатать что, так возьмемся за Цыганов». Однако, прошел еще целый год пока «Цыганы» были напечатаны, причем больше всех других с этим делом медлил сам Пушкин, а самый процесс печатания отнял всего около месяца. В чем же причина этой медленности?

На этот счет возможны различные предположения. Можно, например, думать, что Пушкину хотелось выпустить «Бориса Годунова», которому он придавал такое важное общественно-литературное значение, раньше «Цыганов», которые в 1825 г. знаменовали уже для Пушкина пройденный путь развития. Но, независимо от этих предположений, совершенно несомненной причиной того, что Пушкин сознательно задерживал опубликование «Цыганов», является приведенный выше недоработанный монолог Алеко. Надо подчеркнуть, что этот монолог вовсе не является случайным эпизодом в «Цыганах». Его внутренняя необходимая связь с центральным образом поэмы и ее идейной концепцией вряд ли нуждается в подробных доказательствах. Алеко, бежавший из «неволи душных городов» напуган в жизнь своего «цыганского» сына изложением цельной, продуманной программы жизненного поведения. Совершенно прав был Анненков, писавший о связи монолога и поэмы в целом: «Монолог Алеко... именно составляет часть несостоявшейся обделки, какую автор хотел сообщить физиономии и характеру своего героя.» («Пушкин в Александровскую эпоху», 1874, стр. 241). Предполагаемая этим замечанием незаконченность «Цыганов», в том виде, в каком мы знаем эту поэму, подтверждена самим Пушкиным в письме к Вяземскому (сентябрь 1826 г.), в котором рассказывается о неожиданном свидании Пушкина с Горчаковым: «От нечего делать, — пишет Пушкин, — я прочел ему несколько сцен из моей комедии², попроси его

¹ Речь идет об отрывке для «Полярной звезды».

² Т. е. из «Бориса Годунова».

не говорить об них, не то об ней заговорят, и она мне опрогивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине».

Итак, в сентябре 1826 г. за полгода до появления «Цыганов» отдельной книжкой Пушкин еще считал свою поэму незаконченной. Но 10 октября 1824 г. он извещал того же Вяземского о «Цыганах», как о произведении, которое только что закончено. С тех пор появился монолог Алеко, требовавший еще окончательной отделки. Пушкин хотел вернуться к монологу и довести его до конца. Различные обстоятельства, — к их числу могли относиться и опасения цензурного характера за судьбу монолога, — задерживали исполнение этого намерения. В конце концов Пушкин решился опубликовать «Цыганов» в «недоконченном виде, выпустив из текста поэмы недоработанный эпизод, несмотря на важное значение, которое ему придавалось».

В 1880 г. была опубликована статья П. П. Вяземского (сын поэта) «А. С. Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям», в которой между прочим рассказывается следующее: «Из сочинений Пушкина за это время¹ неизгладимое впечатление произвела прочитанная им самим «Капитанская дочка» и напечатанный монолог обезумевшего чиновника перед Медным Всадником. Монолог этот, содержащий около тридцати стихов, произвел при чтении потрясающее впечатление, и не верится, чтобы он не сохранился в целости. В бумагах отца моего сохранились многие подлинные стихотворения Пушкина и копии, но монолога не сохранилось, весьма может быть потому, что в монологе слишком энергически звучала ненависть к европейской цивилизации. Мне все кажется, что великолепный монолог таится вследствие каких-либо тенденциозных соображений, ибо трудно допустить, чтобы изо всех людей, слышавших проклятье, никто не попросил Пушкина дать списать эти тридцать-сорок стихов. Я думал об этом, и не смел просить, вполне сознавая, что мое юношество не внушает доверия.. Я помню впечатление, произведенное на одного из слушателей, Арк. О. Россети, и мне как будто помнится он уверил меня, что снимет копию для будущего времени» (Собр. соч. П. П. Вяземского, СПб. 1893, стр. 548).

В специальной литературе по Пушкину мнения об этом сообщении П. П. Вяземского имеются различные. Некоторые исследователи и комментаторы считали сообщение Вяземского правдоподобным, но не было недостатка и в скептических оценках этого сообщения. К числу скептиков между прочим принадлежал Валерий Брюсов, формулировавший свое мнение очень резко. Брюсов писал: «Сообщение кн. П. П. Вяземского должно признать совершенно вздорным. В рукописях Пушкина нигде не сохранилось ничего, кроме тех слов, которые читаются теперь в тексте повести². Самое резкое выражение которое вложил Пушкин в уста своего героя, это «Ужо тебе!» или «Уже тебе!», согласно правописанию подлинника. Кроме того, «ненависть к европейской цивилизации» вовсе не вяжется со всем ходом рассказа и с основной идеей повести» («Мой Пушкин», 1929, стр. 80).

¹ Речь идет об эпохе 30-х годов.

² Т. е. в «Медном всаднике»

Трудно не согласиться с Брюсовым в его заключительном замечании. Действительно, о какой «ненависти к европейской цивилизации» могла вообще идти речь в произведениях Пушкина? Борьба с европейскими началами в русской культуре, которую пропагандировали славянофилы, в тридцатые годы еще не начиналась и, во всяком случае, была абсолютно чужда Пушкину. Очевидно, что славянофильская критика петровских реформ, как реформ европейских, в устах Евгения есть нечто невообразимое. Пушкину хорошо зато знакома иная критика европейской цивилизации, та критика, духовными вдохновителями которой были Руссо и Байрон. Речь идет о той критике, которой подвергает цивилизацию, «неволюдушных городов», герой поэмы Пушкина «Цыганы». Но и такого рода критика цивилизации в устах Евгения перед лицом Медного Всадника есть нечто в высшей степени несуразное. Действительно, все это «вовсе не вяжется со всем ходом рассказа и с основной идеей повести».

Что касается собственно материальных аргументов Брюсова, то они также представляются вполне обоснованными. Мало того, они прямо поддержаны самим текстом воспоминаний П. П. Вяземского, который совершенно правильно пишет: «Трудно допустить, чтобы из всех людей, слышавших проклятье, никто не попросил Пушкина дать списать эти тридцать-сорок стихов». В самом деле, представляется невероятным, чтобы произведение той значительности, какую приписывает ему мемуарист, бесследно исчезло с лица земли, не сохранившись ни в автографах, ни в копиях, ни в памяти. Это был бы уникальный факт в истории литературного наследия Пушкина. Если произведение, подобное тому, о котором повествует Вяземский, действительно существовало, то оно не могло бы не сохраниться в виде того или иного материального следа, тем более, что предполагаемые Вяземским причины утаивания монолога Евгения также представляются мало правдоподобными. Почему бы, собственно, «ненависть к европейской цивилизации» вынуждала осведомленных лиц скрывать от потомства вещь Пушкина, обладающую художественной значительностью? Наконец, разве такие вещи вообще могут быть утаены даже при желании определенных лиц или кругов сделать это? Повторяем, все это в высшей степени неправдоподобно.

Значит ли это все же, что сообщение Вяземского нужно признать «совершенно вздорным» и что, таким образом, Вяземский просто выдумал, сочинил из головы все это известие? Мне кажется возможным иной выход из положения. У меня нет права настаивать на моем решении вопроса как на чем-то абсолютно бесспорном. Это — только догадка, которую я и высказываю в качестве догадки, обладающей, однако, на мой взгляд, большой степенью вероятности. По-моему искомый монолог Евгения перед памятником Петра есть на самом деле монолог Алеко перед люлькой своего сына. П. П. Вяземский мог легко смешать одно с другим, вспоминая через несколько десятилетий после смерти Пушкина свое знакомство с ним. А та характеристика, которую дает Вяземский описываемому им монологу — 30—40 стихов и «ненависть к европейской цивилизации» — как нельзя более приложима к монологу Алеко,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
П Е Р В А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т
1 9 • Я Н В А Р Ь • 3 7